

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 50

1967

В. ВЛАДИМИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

В. ВЛАДИМИРОВ

ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1967

СОДЕРЖАНИЕ

«Процесс пятидесяти»	3
«Выше смерти»	10
Из Нью-Йорка в Ясную Поляну	14
Черный Адмирал	25
82°20' северной широты	35
Вики	42

На обложке: рисунок В. Елизаветского.

В. Владимиров
ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

Редактор — **П. Кравченко.**

А 00334. Подписано к печати 15/1 1968 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 2,10 условн. печ. лист 2,81 учетно-изд. л. Тираж 108 650.
Изд № 2359 Заказ № 3248. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«ПРОЦЕСС ПЯТИДЕСЯТИ»

Перелистывая страницы английского журнала «Грэфик» за 1877 год, среди однообразных, торжественных портретов царствующих особ, лордов и адмиралов неожиданно обнаруживаю восемь молодых женских лиц, отмеченных печатью благородства, ума и энергии. Подпись: «Тайные общества в России. Осужденные женщины-революционерки».

Кто они? Софья Бардина... Вера и Ольга Любатович... Мария и Евгения Субботины... Екатерина Гамкрелидзе... Александра Хоржевская... Анна Топоркова... Все эти имена как-то странно звучат на страницах английского журнала. «Грэфик» сообщает, что подсудимые осуждены на долгие годы каторги и ссылки.

В действительности судили не восемь, а семнадцать женщин в возрасте от 20 до 25 лет. А всего обвиняемых в «государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений» было пятьдесят. Это был известный в истории русского революционного движения «Процесс 50-ти» — один из первых в России судебных процессов, где на скамье подсудимых были молодые рабочие-социалисты.

Особое присутствие

Перенесемся в зал «особого присутствия правительствующего сената». Февраль — март 1877 года. За столом суда сверкают золотым шитьем сенаторские мундиры. Двуглавый орел распростер свои хищные крылья над зеленым «присутственным» сукном, словно охраняя «первоприсутствующего» сенатора Петерса. Скамьи подсудимых располагаются амфитеатром и окружены цепью усатых конвойных с обнаженными саблями.

Обвинительный акт занимает целый том. «Рабочим толковалось, что земля принадлежит простому классу народа и должна быть разделена между всеми поровну, что фабричный труд должен приносить пользу только одним рабочим и что для этого

необходимо уничтожить власть помещиков, купцов, фабрикантов и всех зажиточных крестьян. Объяснение подобного рода оканчивалось прямым воззванием к уничтожению существующего порядка путем вооруженного восстания всей массы народа против правительства и царя...»

Речь шла о «кружке москвичей», преимущественно бывших студентов и студенток медицинского факультета в Цюрихе, которым «указом 1873 года» было запрещено учиться в Швейцарии, дабы не набирались «крамолы». «...Правительство заблаговременно предупреждает всех русских женщин, посещающих Цюрихский университет и политехникум,— вещал указ,— что те из них, которые после 1 января будущего 1874 года будут продолжать слушание лекций в этих заведениях, по возвращении в Россию не будут допускаемы ни к каким занятиям, разрешение и дозволение которых зависит от правительства, а также к каким бы то ни было экзаменам или в какое-либо русское учебное заведение».

Цюрихская «крамола» заключалась в изучении деятельности Первого Интернационала, сочинений Маркса и Энгельса, хотя юношей и девушек из «кружка москвичей» еще никак нельзя было причислить к марксистам.

Студентки-медички в Швейцарии познакомились с «кружком кавказцев», во главе которого стоял И. С. Джабадари, бывший студент Медико-хирургической академии. Он решил целиком посвятить себя борьбе с царизмом и вместо разрозненных подпольных кружков создать «Всероссийскую социально-революционную организацию». Джабадари призывал своих товарищей отдать революции «всего себя, всю жизнь». Таковы были молодые люди, находившиеся под стражей в зале особого присутствия.

«Крепости»

Фабричные общежития того времени были похожи на тюрьмы, а в народе назывались «крепостями». Женщины жили отдельно от мужчин. И те и другие работали по 14 часов в сутки и отпуска в город получали только по праздникам.

Хорошо одетые люди брезгливо, а иногда и опасливо обходили эти «крепости» и прилегающие к ним питейные заведения. Оттуда неслись крики, брань, звон бьющегося стекла. Пробегали по деревянным тротуарам заплаканные женщины, трелью разливались в морозном воздухе свистки полицейских. Ранним, серым утром можно было наткнуться на труп, лежащий на снегу, и стоящего рядом с ним городского в круглой барашковой

шапке — мрачную фигуру с обледеневшими усами, ждущую подводы из морга. А дальше — сухая фраза из казенного протокола: «Убит в нетрезвом состоянии» — и нищие похороны с захудалым священником, нетерпеливо и равнодушно твердящим: «Прими в царствие твое душу раба твоего...»

Раб божий, раб человеческий, раб фабричный — одним словом, раб — житель «крепости», знавший по будням только напряженный труд от рассвета до заката, а по праздникам — царским, «двунадесятым» и просто по воскресеньям — зеленую бутылку с «зельем», которое заменяло ему все радости жизни. И никакой надежды на завтрашний день...

И вот в одной из таких «крепостей» появилась молодая «работница» «Аннушка». Так как новенькая бойко читала, то в женском общезнании сразу решили, что она раскольница. Но «раскольница», вместо того чтобы читать религиозные проповеди, вытаскивала из-под платья книжки. Читали эти книжки — «Хитрую механику», «Сказку о четырех братьях» — в спальне при свечке. Заслышав шаги приказчика, свечку гасили.

Женщинам сторожайше запрещалось входить в мужской корпус, но «Аннушка» проникла и туда. Поначалу ее встретили насмешками. А потом все затихло: она читала рабочим книги, и то, что говорилось в книжках, многим было по душе.

Странно было глядеть на эти грубые лица, с мутными, отчаянными глазами, которые сначала с удивлением прислушивались к незнакомым словам, а потом словно загорались жизнью. Не было случая, чтоб «Аннушку» оборвали, оскорбили или выгнали. Некоторые, устало махнув рукой, забивались в угол, другие, наоборот, придвигались поближе и просили читать потише, чтоб не услышал «бугай»...

Точно так же действовали на московских фабриках «Маша», «Наташа», «Феклуша», «Саша», «Вера» и «Дуняша». У них появились среди фабричных подруги и друзья, и одним из первых завербованных ими был двадцатипятилетний ткач Петр Алексеев.

«...Свидетель говорил на следствии, — сообщает протокол суда, — что пил чай с Петром Алексеевым, рабочим с фабрики Тимашева, причем Петр Алексеев говорил ему, что существуют хорошие книжки, советовал прочитать и исполнять то, что там написано; через неделю... принес книжку «Хитрая механика» и в течение великого поста — листок «Чтой-то, братцы», «Емельку Пугачева» и другие...»

«Аннушки», «Дуняши» и «Феклуши» — все эти девушки, распространявшие среди рабочих книги, принадлежали к «Социально-революционной организации».

«Аннушка» — это Софья Бардина. Среди «Дуняш» и «Фек-

луш» — сестры Любатович, Екатерина Гамкрелидзе, Лидия Фигнер (сестра знаменитой революционерки Веры Фигнер) и другие. Они вели пропаганду не только в Москве. Проникали и в Тулу, Иваново-Вознесенск, пытались закрепиться на Кавказе.

Из показаний свидетелей видно, что «цюрихские студентки» отличались большой энергией, смелостью. Они приезжали в Киев босиком, в украинских плахтах, находили «своих», перевозили литературу, деньги, поддельные паспорта, завязывали новые знакомства с работницами.

«Книжки, которые бунт учиняют»

В своей пространной обвинительной речи обер-прокурор негодовал: «преступную литературу» в течение года обнаруживали на шести московских фабриках. Полиция установила слежку за подсудимыми Васильевым, Бариновым и Петром Алексеевым, которые говорили рабочим, «что собственность должна быть общео, что дворянство и купечество не должны существовать, что богатых и бедных также не должно быть, а что на развалинах того общественного строя, который существует в настоящее время, должно водвориться царство рабочих».

Обер-прокурор также поведал суду, что не только на шести московских фабриках, а повсюду при обысках находят книги «преступного содержания».

Что это были за книги? «Гражданская война во Франции» (Карл Маркс), «Очерки политической экономии», «Письма без адреса» (Чернышевский), герценовский «Колокол», «Записки декабристов», «К женщинам», «К офицерам русской армии» и т. п. Эти книги издавались большей частью за границей и провозились в Россию тайно — в чемоданах с двойным дном или зашитыми в подкладку пальто.

Жандармам Александра II не приходило в голову, что солидный господин средних лет с лихо подкрученными усиками, по паспорту «дворянин Пензенской губернии» и, несомненно, помещик, возвращающийся на родину «с германских вод», под модным шюртуком, обшитым тесьмой, везет «крамольную» литературу для распространения в «крепостях» и фабричных поселках.

В протоколах обысков упоминаются также поддельные паспорта, шифры и заряженные револьверы. Об одном из них мы расскажем.

«Происшествие стрельбы»

Молодой человек с узкой бородкой, в шляпе пирожком и черном пальто, застегнутом на все пуговицы, быстро шагал по Москворецкому мосту, не глядя на восточных, на баржи, закрывшие почти всю реку, на базар, который был близко. Наступал конец торгового дня, колокола бесчисленных церквей звонили к вечерне.

Подойдя к второразрядной гостинице «Украина», молодой человек замедлил шаг и остановился у окна бакалейной лавки. Стоял он недолго. Через минуту-две решительно поправил шляпу и вошел в номера. Швейцара при дверях не оказалось. Молодой человек поднялся на второй этаж. В полутемном коридоре с трудом разыскал комнату № 12 и постучал. Ответа не последовало. Посетитель постучал еще раз. Дверь внезапно распахнулась, и показался жандармский офицер.

Человек с узкой бородкой мгновенно бросился бежать. Кто-то тяжело топал за ним по лестнице и кричал: «Держи разбойника!» Беглец был уже у выхода, но зацепился остроносым ботинком за половик и упал. На него навалились два дюжих молодца.

Через несколько минут его силой водворили в двенадцатый номер. Здесь все уже было перевернуто и разброшено. Тускло мерцали жандармские бляхи. Несколько молодых людей, тоже попавших в засаду, стояли вдоль стен. Доставленный в номер беглец возбужденно спросил, обращаясь к офицеру:

— Где прокурор? Где предписание об обыске?

— Не требуется,— отвечал жандарм.

— Как это — не требуется? Что это: обыск или грабёж?

— Молчать! — рявкнул жандармский офицер. — Паспорт на стол клади!

— Вот мой паспорт! — крикнул молодой человек и выхватил из-за пазухи револьвер.

Грянул выстрел, за ним другой. Комната наполнилась дымом. Дюжий швейцар успел толкнуть стрелявшего под локоть, потом сбил его с ног и, повалив на пол, стал вывертывать ему руку, пытаясь вырвать револьвер. С другой стороны на несчастного навалился городской. Сухощавая девушка, сидевшая на диване, бросилась на помощь и схватила городского за горло; тот взревел и отшвырнул ее в угол.

Вооруженное сопротивление при аресте — вот главный пункт будущего обвинительного акта. Стрелял Александр Цицианов, член «Социально-революционной организации». Девушкой, пытавшейся ему помочь, была Вера Любатович. Обыск происходил в номере их товарища Гамкрелидзе: полиция выследила его

после поездки для связи в Иваново-Вознесенск. В засаду попало несколько человек из «кружка москвичей». В протоколе, составленном рукой уцелевшего жандарма, говорилось: «Происшествие стрельбы кончилось в 4 часа пополудни».

На суде Цицианов заявил, что он не имел намерения убить жандарма. «Первоприсутствующий» Петерс обратился к Любатович и спросил: признает ли она себя виновной в том, что душила городского «с целью лишить его жизни»? Среди подсудимых поднялся смех.

— Прощу не смеяться и вести себя на суде прилично! — возмутился Петерс.

— Я вовсе не собиралась его душить, — сказала Любатович, — а когда несколько человек накинулись на Цицианова и хотели его убить, я бросилась ему на помощь.

Обыск и аресты в номере Гамкрелидзе, в сущности, завершили дело. Многие члены организации были арестованы раньше. Все пятьдесят человек находились под следствием более полтора лет.

Последнее слово

«Правительственный вестник», печатавший из номера в номер верноподданнический протокол процесса, приводит в виде эпилога длинейший приговор: «Цицианову — десять лет каторги... Петру Алексееву — десять лет... Софье Бардиной и Ольге Любатович — по девять лет... Вере Любатович — шесть лет... Гамкрелидзе, Джабадари, Фигнер, Хоржевской — по пять лет... Топорковой — четыре года в рабочем доме... Сестер Субботиных — в ссылку...» и так далее. Всего 89 лет каторги, 18 лет тюрьмы и 167 лет ссылки.

Однако, несмотря на «публичность» этого процесса, «Правительственный вестник» остерегся напечатать последние слова обвиняемых, и в частности речи Софьи Бардиной и Петра Алексеева. Они были опубликованы за границей и ходили в списках по всей России.

Софья Бардина отрицала предъявленное обвинение — «уничтожить физически господствующие классы».

— ...Господа судьи, — воскликнула она, — я не прошу у вас милосердия и не желаю его! Преследуйте нас как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение, продолжающееся уже несколько лет сряду и вызванное, очевидно, самим духом времени, не может быть остановлено никакими репрессивными мерами...

Сенатор Петерс подскочил.

— Нам совсем не нужно знать, в чем вы так убеждены! — закричал он.

— Так будет продолжаться до тех пор,— продолжала Бардина,— пока наши идеи не восторжествуют... За нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увьи! — на штыки не улавливаются!..

Как гром, прозвучала на суде речь Петра Алексеева:

— Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

— Молчать! — завопил Петерс и неистово зазвонил в колокольчик.

— ...и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!

Голос рабочего-революционера оказался громче, чем председательский колокольчик.

Ленин словами Петра Алексеева закончил свою статью «Насущные задачи нашего движения», напечатанную в первом номере подпольной «Искры».

Буревестники

Отголоски «Процесса 50-ти» прозвучали по всей стране. В тюрьме Петр Алексеев читал знаменитые строки Некрасова, написанные незадолго до смерти поэта и посвященные процессу:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопившие,
Но разнuzданы страсти жестокие.

Весть о доблести и мужестве русских революционеров проникала и за океан. «Какое величие души! — писал Марк Твен.— Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и в конце концов на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России...»

Первой погибла Мария Субботина. Меньше чем через год после приговора она умерла в сибирской глуши. Софья Бардина, Александра Хоржевская, больные, измученные, покончили с собой. Высланный на Кару, в полярную тундру, скончался в 1885 году Александр Цицианов. Петр Алексеев после многих лет каторги в 1891 году был убит бандитами в Якутии.

Долго жила в сибирской ссылке, к северу от Омска, Вера

Любатович. Ей удалось вернуться в Москву, где она умерла в 1907 году. Иван Джабадари пробыл на каторге пять лет, но из Сибири его не скоро выпустили. И тем не менее он принял активное участие в революции 1905 года. Скончался Джабадари незадолго до Октябрьской революции.

Ольга Любатович прожила полную бурных событий жизнь подпольщицы-революционерки. Умерла она в разгар октябрьских боев 1917 года. Лидия Фигнер вернулась из ссылки в 1891 году. Она много лет была сотрудницей журнала «Русское богатство» и умерла в 1920 году в Орловской губернии. До глубокой старости дожили Анна Топоркова, Екатерина Гамкредидзе и Евгения Субботина. Все они стали профессиональными революционерами, за плечами которых — долгие годы каторжных работ, тюрем, ссылки. Но они познали радость Октября, они дожили до первых пятилеток.

Героизм революционеров, отдавших жизнь за счастье народа, стал примером для будущих поколений, он остается и ныне примером для нашей молодежи. «Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь... — учил Владимир Ильич, — тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеяева...»

Пророчество это исполнилось. Семнадцать юных женщин, преданных суду в 1877 году вместе с тридцатью тремя мужчинами, были буревестниками грядущей революции.

«ВЫШЕ СМЕРТИ»

4 октября 1957 года на всех языках мира появилось новое слово — «спутник». 12 апреля 1961 года на всем земном шаре прозвучало еще одно русское слово — «Гагарин».

С тех пор поток русских слов, связанных с исследованием космического пространства, не ослабевал. Мир услышал фамилию Леонова, который 18 марта 1965 года впервые вышел в космос и оставался там в течение 20 минут. Мир повторил русское название «Луна-9», когда 3 февраля 1966 года советская автоматическая станция впервые совершила мягкую посадку на поверхности спутника Земли. Мир узнал русское обозначение «Венера-4», когда 18 октября 1967 года еще одна советская автоматическая станция впервые мягко опустилась на поверхность далекой планеты. Все это только отдельные вехи на пути нашей космонавтики. Поистине нашей стране первой выпало счастье открыть новые миры.

Десяток лет — один миг в истории человечества. Миг, за который человек шагнул от Земли в космос. Но для того, чтобы сегодня люди неслись над Землей на высоте сотен километров; для того, чтобы советские выпелы достигали своих целей, проделав 350 миллионов километров,— для всего этого кто-то должен был подняться на первый метр.

Для того, чтобы в наши дни тысячи людей ежедневно за 55 минут могли из Ленинграда перенестись в Москву, кто-то должен был этот путь проложить первым.

Было это в июле 1911 года. В эти дни всех занимал вопрос: «Можно ли перелететь из Петербурга в Москву?» Этот же вопрос мучил и опытного русского покорителя воздуха А. А. Васильева, уже летавшего над горами Закавказья. В то время такой вопрос можно было разрешить практически только с большим риском для жизни летчиков.

В перелете Петербург — Москва участвовали девять авиаторов, в большинстве молодые люди. Летчику-студенту Агафонову было 19 лет, другому студенту, Слюсаренко,— 22 года. Даже «короли воздуха» были еще молоды: знаменитому Уточкину было 38, а Васильеву — 27 лет.

В наших руках книга самого Васильева «В борьбе с воздушной стихией», изданная в 1912 году. «Наша родина вправе гордиться смелыми, неустрашимыми авиаторами,— пишет летчик.— Русской авиации принадлежит блестящее будущее. Необходимо только опыт, нужна практика для того, чтобы наши природные качества, усиленные знанием и опытностью, создали могущественный воздушный флот».

Васильев был прав. Именно в покорении воздушной стихии Россия заняла выдающееся место уже в ранний период истории авиации. Энтузиастов-авиаторов среди русской молодежи нашлось множество. После всероссийского праздника воздухоплавания 1910 года приток смельчаков в авиацию увеличился. Некоторые водители «полотняных птиц», называемых в просторечии «этажерками» (бипланов Фармана и Вуазена, монопланов Блерио и др.), не вылетали еще за пределы аэродрома и тем не менее записались на самый сложный перелет между двумя столицами.

К трассе перелета А. А. Васильев относился скептически. «При современном состоянии авиационной техники,— писал он,— нечего и мечтать, чтобы этот наитруднейший путь сделался торной дорогой российских летунов. Когда же авиация достигнет той высоты, на которой ей уже не страшны будут Валдайские возвышенности, болота и сплошные леса...» — тогда только, по мнению Васильева, можно будет беспрепятственно летать из Петербурга в Москву.

23 июля выстрелом из пушки был дан старт к перелету. Первым отделился от земли С. И. Уточкин на моноплане Блерио. «Еду пить чай в Москву!» — крикнул он на прощание. Один за другим в утренней туманной петербургской дымке скрылись другие участники перелета.

Уточкину далеко улететь не удалось. У него перестал работать мотор. Аппарат упал в канаву, но без больших повреждений. Случилось это около Новгорода. «Характерную фигуру Уточкина на шоссе, возле сломанного аппарата» заметил летевший за ним Васильев.

Васильев сделал посадку. Идея «пить чай» в Москве уже остывала в неутюжимом Уточкине, но он был бодр и весел и даже оказал неоценимую помощь своему «конкуренту» — помог ему запустить пропеллер, что в то время было не просто, так как для этого требовались умелые руки помощников, остающихся на земле в то время, как «полотняная птица» поднимается в воздух. Были удивительные случаи, когда летчику приходилось самому заводить пропеллер и «на ходу» вскакивать в самолет.

В дальнейшем Уточкину снова не повезло. Возле Крестцов его начало болтать с такой силой, что ему пришлось спуститься с высоты 500 метров на поле, но у самой земли он заметил обрыв и деревья. Уточкин спрыгнул на лету с аппарата. Машина при падении задела его (о парашютах не было и речи), смяла и сбросила в реку. Еще несколько минут, и славный пионер русской авиации со сломанной ногой и поврежденными ребрами утонул бы в мелководной речушке, если бы его не спас крестьянин.

Более трагический случай произошел с аппаратом юного авиатора В. В. Слюсаренко, который летел с пассажиром — летчиком Шиманским. Недалеко от Петербурга у Слюсаренко заглох мотор. С высоты 70 метров аппарат «клюнул в землю» и перевернулся. Слюсаренко был тяжело ранен, Шиманский убит. Это была семидесятая жертва авиации в Европе и третья в России.

Самолетов на трассе становилось все меньше. Авиаторы Янковский и Костин упали в болото. Другие вышли из строя из-за поломок в пути, некоторые отказались продолжать полет. Но Васильев настойчиво летел дальше. Участок пути над Валдаем он описывает как ужасающее испытание, озаглавленное им «Выше смерти». Ветер был резкий, налетал порывами. Самолет все время падал в «воздушные ямы», и так как высота полета была невелика, то авиатору непрерывно грозила опасность нырнуть в лес и зацепиться за верхушки деревьев. Но Васильев не отрывался от руля высоты и летел, летел измученный, с окровавленными пальцами и скрюченными руками.

Последний этап пути Васильев преодолевал уже один. Другие участники выбыли из перелета. Из-за нехватки бензина он сделал посадку в Подсолнечном, в 56 верстах от Москвы. Сел он не слишком удачно — ткнулся носом в канаву. Первая его мысль была: «Цел ли пропеллер?» Но, к счастью, винт был цел, и 24 июля в 4 часа 18 минут утра самолет Васильева совершил посадку в Москве, на Ходынском поле.

Васильев потратил на перелет 24 часа, из которых в воздухе находился всего восемь. Встретили его в Москве восторженно.

«Прилететь из Петербурга в Москву! От этих слов веет какой-то фантастической сказкой! — восклицал корреспондент одного из русских журналов.— Прилететь по своей воле и желанию, не игрушкой ветра, но настоящей вольною птицей — эта смелая и причудливая фантазия уже осуществилась. Несмотря на колоссальные тягости этого перелета... один из героев воздуха пролетел через все назначенное пространство и первый соединил у нас Петербург и Москву воздушным путем».

Интересно, как тогда оплачивался труд летчиков. Покупка и содержание аппаратов требовали больших средств. Обычно занимали в долг и выплачивали постепенно из призовых денег. Васильев получил за рекордный перелет Петербург — Москва около 13 тысяч и сумел расплатиться с кредиторами и за самолет, и за горючее, и за автомашину, которая следовала по той же трассе с запасными частями и механиком. Уточкин, получив всего 1 125 рублей да еще 3 тысячи «на лечение», не смог избавиться от кабального договора со своим «благотворителем» — одесским банкиром. Слюсаренко получил всего 1 500 рублей.

Несмотря на все трудности, энтузиазм русской молодежи не иссякал ни на один день.

Потомки первых в России «крылатых людей» создали самую совершенную в мире советскую авиацию, а следующие поколения уже штурмуют космос. Мы были и будем впереди. И сегодня, по праву гордясь нашими летчиками и космонавтами, мы с уважением смотрим на гордую подпись А. А. Васильева в конце его книги.

После опубликования этого очерка почта принесла в редакцию «Огонька» письмо из далекой Австралии:

«13 сентября 1961 года

Уважаемая редакция!

В № 28 вашего журнала «Огонек» была помещена статья В. Владимирова «Выше смерти». Спасибо!

Спасибо за то, что в век спутников, Гагарина, Титова вспомнили о нас, стариках, 50 лет тому назад принимавших участие в зарождении русской авиации. Не знаю, жив ли еще кто-нибудь из участников перелета, но за всех живых и мертвых я шлю вам мое искреннее спасибо.

Участник перелета

авиатор В. В. Слюсаренко.

Адрес: Сандгат. Квинсленд. Австралия».

К письму был приложен фотоснимок. В пожилом человеке, снятом на фоне советских самолетов на выставке в Австралии, трудно узнать двадцатидвухлетнего студента, которого аппарат фоторепортера запечатлел в 1911 году на его примитивной «этажерке» перед вылетом в Москву.

Мы не знаем, какие события произошли в жизни одного из пионеров русской авиации за прошедшие 50 лет. Но нас радует, что спустя столетия через моря и континенты он вместе с нами вспоминает первые шаги завоевания воздуха русскими людьми.

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

12 (25) ноября 1910 года, через пять дней после смерти Л. Н. Толстого, в московской газете «Русское слово» появилась небольшая заметка под названием «Эдисон и Толстой». В этой заметке рассказывалось, как в Нью-Йорк без денег приехали два русских парня. Не получив работы, они написали письмо Л. Н. Толстому, а через пять недель к конторе, где их приютили, подкатил автомобиль, из него вышел господин и представился: «Я Эдисон и хочу видеть двух молодых людей, приехавших из России». При этом, как сообщает «Русское слово», он показал письмо из нескольких слов: «Нью-Йорк, Эдисону. Не откажите помочь моим двум молодым соотечественникам, живущим по такому-то адресу. Лев Толстой».

* *
*

Пароход «Эстония», шедший из Либавы в Нью-Йорк в октябре 1908 года, сильно потрепало в океане. Двое суток судно лежало в дрейфе, случилась поломка.

На палубе третьего класса сидели двое молодых людей в козovorотках и высоких картузах, которые в то время носили многие рабочие в России. Это были слесари Петр Охрименко и Пантелеймон Лобач. Держась за поручни, они глядели на пенящиеся гребни водяных стен, которые с грохотом рушились на палубу. Но не о буре они думали.

Позади осталась родина, неласковая, угрюмая, но любимая. Остался позади Екатеринослав, железнодорожные мастерские, 1905 год..

Петр Охрименко и Пантелеймон Лобач партийцами не были, но в забастовочном движении участвовали активно. Вечером из-за контрольной будки в уходящую дневную смену рабочих летели сложенные «голубцами» прокламации социал-демократов. Охрименко и Лобач наловчились пускать эти «голубцы» стайкой. Они регулярно участвовали во всех митингах и массовках на Днестре. Железнодорожники были захвачены революционным движением, а екатеринославские мастерские находились под особым наблюдением полиции. В 1906—1907 годах начались массовые аресты. В Екатеринославе происходил знаменитый «Процесс 180-ти».

Охрименко и Лобач арестованы не были. Был другой, темный способ расправы с «подозрительными» из рабочей молодежи — их брали на военную службу и принимали «все меры» к тому, чтобы они не выжили. Это делали самые свирепые фельдфебели.

Охрименко и Лобачу предстояло явиться в «присутствие». Они решили бежать в Америку.

Говорили, что в «золотой стране» за океаном не пропадешь: у них там «илэкшн» (выборы), «либерти» (свобода) и вообще демократия.. Но как получить документы на выезд?

В Екатеринославе агент пароходства покачал головой и сказал:

— Вам здесь паспорта не дадут. Надо кому следует заплатить и прописаться в другом месте, например, в Нижнеднепровске. Там пристав полегче..

Агент все уладил. Пристав оглядел молодых людей сурово.

— Что натворили? Террористы? Революционеры?

— Нет, мы просто едем за границу, хотим учиться.

— На сколько?

— На полгода.

Пристав выругался и велел паспорта выдать.

При отправлении парохода из Либавы на берегу был выкинут красный флаг, латыши запели «Марсельезу», замелькали фигуры городских, началась потасовка. В Америку уезжали искать счастья не только Охрименко и Лобач. На палубе треть-

его класса были еще юноши в косоворотках и высоких картузах.

И вот через семнадцать суток Атлантика пройдена. Над западным горизонтом почти одновременно появляются силуэты — рука и голова статуи Свободы и вышка небоскреба компании швейных машин Зингер.

Там Америка, океан неизвестности, не менее бурный и опасный, чем Атлантика. Как встретит молодых парней в косоворотках «золотая страна»?

Встретила она их не так, как они ожидали. На набережной к ним подошел какой-то господин и сердито спросил:

— Откуда?

— Из России.

— А! Революционеры!

— Нет,— сказал Лобач.

— Православные?

Молодые люди переглянулись. Выросли они в религиозных семьях, но о боге очень мало думали.

— Д-да...— протянул Охрименко.

— Следуйте за мной!

В районе Бауэри стоял «дом святого Иосифа». Это был католический приют. Там брали 60 центов за ночлег и еду. А у юношей из Екатеринослава было всего 9 долларов. Им обещали работу на прокладке железной дороги, но накануне отъезда какой-то оборванный русский рабочий, сосед по обеденному столу, сказал им шепотом:

— Ребята, вас отправляют работать в болото, на верную смерть и гребут за это большие деньги. Ищите работу сами.

— Мы языка не знаем,— сказал испуганный Лобач.

— Я вам помогу.

Он отвел молодых слесарей в контору мистера Борисова, на 23-й улице.

Мистер Борисов был не то менялой, не то мелким банкиром и попутно занимался продажей «шифскарт» и какими-то несложными операциями по пересылке денег в Россию. Первый его вопрос был обычным для «страны свободы»:

— Вы революционеры?

— Нет!

— Постараюсь куда-нибудь вас устроить...

В том году в Нью-Йорке выдалась почти русская зима. Юноши жили в нетопленной комнатухе позади конторы Борисова. Освещалась она газовым рожком. Утром жильцы покупали булочку за пять центов и грели чай на рожке. Рожок был под потолком, приходилось ставить табуретку и держать чайник на вытянутой руке, пока не закипит. Собственно, это был

не чай, а горячая вода с кусочком сахара — в том и состоял весь дневной рацион. Спали не раздеваясь и накрываясь чем попало. Работы все не было.

И тут, в ночь под Новый год, Пантюша Лобач, сидя на кровати и подперев голову, произнес устало:

— Петя, я все придумал. Выхода нет, откроем газ.

В «золотой стране» покончить самоубийством было очень легко, потому что газовые рожки имелись повсюду в изобилии.

— Что ты, Пантюша! — отвечал Охрименко дрогнувшим голосом. — Ты с ума сошел!

— Да ведь не будет работы... Борисов говорит, что у них кризис. А у нас двойной кризис, потому что мы чужаки, языка не знаем и ходим по Нью-Йорку, как глухонемые. Никому мы на свете не нужны.

— Ложись спать, — тихо сказал Охрименко, — язык мы узнаем, и работа будет. Я придумаю.

— Что ты тут придумаешь? У президента ихнего, что ли, работу просить?

— Нет, — сказал Охрименко, — не у президента.

Лобач заснул. Петя пошел в пустую контору. Там он часто проводил ночи у железной печки. Борисов разрешал жильцам возле нее греться. На конторке лежала кем-то забытая книжка «Воскресение». Роман. Сочинение графа Л. Н. Толстого». Петя раскрыл книжку.

«Он любовался прекрасным днем, густыми темнеющими облаками, иногда закрывающими солнце, и яровыми полями, в которых везде ходили мужики за сохами, перепахивая овес, и густо зеленевшими зелеными, над которыми поднимались жаворонки...»

Петр задумался, вынул из кармана и развернул номер газеты «Русский голос», которая выходила в Нью-Йорке два раза в неделю. Между рядами объявлений о пароходных рейсах, русских банях, ресторанах с блинами и похоронных бюро он снова перечел заметку о том, что знаменитый американский изобретатель Томас Альва Эдисон послал в подарок великому русскому писателю Льву Толстому фонограф для записи голоса Толстого на валик. Газета сообщала, что Толстой был доволен этим подарком и собирается продиктовать на иностранных языках несколько своих текстов. Об Эдисоне говорилось, что он высоко уважает Толстого и любит русских.

На пароходе «Эстония» один из пассажиров второго класса, пожилой человек в мягкой шляпе и с бородкой клинышком, иронически сказал, что в России два царя — Николай II и Лев Толстой, причем Толстой сильнее. И в самом деле, в сознании Петра Охрименко царь Николай был связан с жандармами,

приставами, городовыми и воинскими «присутствиями». Толстой же воплощал в себе правду, добро, миролюбие, душевную чистоту и любовь к людям. Это было лучшее, что скопилось в душе русского человека после «освобождения» крестьян.

...«Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни»...

Петя пошарил кругом, нашел листок бумаги и, усевшись за конторкой Борисова, аккуратно вывел: «Великий человек! Лев Николаевич!..»

Не будем приводить письмо целиком, но процитируем его частично, как человеческий документ большой силы и искренности, написанный двадцатилетним слесарем, находившимся на грани жизни и смерти.

«...Ввиду того, что я еще молод, захотелось поехать по белу свету, увидеть, как живут люди и что такое свободная страна. И то, что я увидел в Америке за такое короткое время, уже могу судить, какая она «свободная» страна. Здесь полная свобода умирать с голоду...»

Петя поднял голову и прислушался. В Нью-Йорке встречали новый, 1909 год. На улицах пели, играли, трубили в трубы. На втором этаже, над головой Пети, слышны были веселые крики «Хэппи нью-йор!» («С Новым годом!»), звенели бокалы, кто-то играл на рояле.

Петя торопливо вытер слезы и отправился в каморку проверить, что делает Пантя Лобач... Нет, газом не пахло. Пантя спал, укутавшись в пальто. Петя вернулся и продолжал писать:

«По улицам мчатся автомобили, усыпанные бриллиантами, а рядом ходят голодные, оборванные, в том числе и я, в ботинках без подошв. Работы по случаю кризиса никак не могу достать. Квартиру мне дал один человек, в своей конторе кусок угла. По приезде (29 ноября) сюда я имел 9 долларов, но им скоро конец. Впереди передо мною ужас голодной смерти в чужом, противном мне городе. В голове днем и ночью роятся разные мысли, как выйти из такого положения. Сегодня, читая ваше «Воскресение», заграничного издания, я начал думать о вас, и результаты моих дум — это письмо. Не оставьте меня в такой тяжелый для меня момент, и ваш образ, который я люблю с тех пор, как начал читать и понимать ваши произведения, до гроба запечатлеется в моем сердце. Я прошу у вас вот что: здесь живет Эдисон, известный ученый-электротехник. У него много мастерских. Я читал, что вы с ним знакомы, прошу вас, напишите ему письмо относительно меня, и он возьмет меня работать, он русских очень любит...»

...Если этого нельзя, то сделайте что-нибудь другое, чтобы я мог жить на свете. Хотя вам время дорого, но для вас это

вопрос одного часа, и этим часом вы можете спасти мне жизнь, а я клянусь вам всем святым, что только имею в своей душе, до конца моей жизни помогать людям. Когда будете писать Эдисону, то сообщите ему мой адрес, чтобы он мог меня вызвать...»

На конверте было каллиграфически выведено: «Его сиятельству графу Толстому Льву Николаевичу. Имение «Ясная Поляна» Тульской губернии. Россия». 2 января 1909 года письмо отправилось из Нью-Йорка в дальний путь.

На следующий день Пантя Лобач спросил:

— Ну что, придумал что-нибудь?

— Я написал письмо Толстому.

Пантя пожал плечами.

— Что же он может сделать для нас?

— Поможет найти работу.

— Толстой? В Америке? Что ты! Он здесь такой же чужой, как мы с тобой!

— Нет,— твердо сказал Охрименко,— Толстой нигде не чужой. Он везде силен.

Прошло четыре долгих месяца. Охрименко временно работал в мастерской, где делали электроосветительные приборы. Изо дня в день стоял он у большого барабана, в который насыпан был песок. Вертящиеся крылья поднимали в барабане песчаный вихрь. Охрименко протягивал руку с какой-нибудь бронзовой деталью люстры или лампы, и через несколько минут деталь получала глянец.

Барабан был закутан материей, у Охрименко были на носу очки, ноздри были завязаны марлей, но все-таки в конце рабочего дня у него кружилась голова, слезились глаза, из носа сочилась кровь.

Пантя Лобач нашел себе грошовую работу у мясника в Бруклине.

В конце апреля 1909 года один из служащих предприятия на ходу бросил Охрименко:

— Послушай, Питер, ты что, знаком с Эдисоном?

— Нет.

— Приходил от него человек, спрашивал о тебе, тебя не было. Он ушел и сказал, что пришлет письмо на твое имя.

Охрименко был счастлив. Конечно, Толстой получил письмо. Конечно, Толстой написал Эдисону... Закрадывалась тревожная мысль: а вдруг Эдисон не даст работу? Но он сам себя опровергал: если бы Эдисон не захотел его видеть, он бы не прислал человека...

Оставалось ждать, что написал Эдисон. В этот день Охрименко не выходил из конторы. Он набросился на почтальона,

который принес дневную почту... Издали кричал ему: «Охрименко? Мистеру Охрименко, по адресу мистера Борисова? Эдисон! Понял?» «Но, но»,— отвечал почтальон. Тогда Охрименко сел дежурить у двери— ждал вечернюю почту. И дождался. Пришло письмо в конверте Эдисона, с его фирменным грифом...

Еле дыша прибежал Охрименко с этим письмом к знакомому латышу, который жил на 67-й улице. Тот прочел и сказал: — Ну, теперь, Питер, твои дела пойдут хорошо. Тебя просят приехать в Орэндж, в штат Нью-Джерси, в лабораторию самого Эдисона.

Орэндж расположен недалеко от Нью-Йорка. Лаборатории Эдисона помещались в прямоугольном кирпичном здании довольно унылого вида. В то время фирменный гриф знаменитого изобретателя насчитывал семь названий различных предприятий, в том числе «Национальную Компанию Фонографов», где русский Питер Охрименко и получил работу в отделении киноаппаратов. Это было новое отделение.

Впоследствии Охрименко узнал, что его письмо дошло до Толстого, и Лев Николаевич сделал на конверте карандашную помету: «Черткову Эдисону: получил письмо от русского в Нью-Йорке. Не знаю, угодил ли вам фонограф— очень бы желал». Это значило, что Лев Николаевич просит В. Г. Черткова написать Эдисону, что и было сделано:

«9/22 марта 1909 г.

Ясная Поляна, Тульской губернии. Россия.

Дорогой г. Эдисон,

Лев Толстой только что получил очень трогательное письмо от молодого русского эмигранта, который сильно нуждается и умоляет Толстого написать вам о нем. Он слесарь по профессии. Он говорит, что вы очень добры к русским рабочим, и уверен, что вы дадите ему работу, если Толстой напишет вам о нем. Он мечтает об одном: честно трудиться и служить людям. Толстой надеется, что вы не будете на него в претензии за то, что он исполняет просьбу этого неизвестного ему юноши, и, обращаясь к вам, считает, что сделал все, что мог, остальное же представляет на ваше благоусмотрение. Фамилия и адрес вышеуказанного русского следующие: Петр Охрименко. Контора м-ра Борисова. 23-я улица. 219, Нью-Йорк.

Толстой очень рад, что валики, в которые он диктовал при ваших представителях, удались. Как свидетель этих сеансов, я должен сказать, что только ради вас он превозмог слабость и нездоровье.

Он шлет вам сердечный привет и добрые пожелания и извиняется, что по нездоровью не пишет сам лично; кроме того, ему вообще нелегко писать по-английски.

Позвольте мне выразить вам еще раз уверенность в моем глубоком уважении.

Искренне ваш В. Чертков.

Эдисон немедленно откликнулся. Его глубокое уважение к Толстому было не раз засвидетельствовано.

Охрименко работал над киноаппаратами около двух месяцев. Его «выжил» из этого отделения главный мастер, который считал себя «борцом за культуру»:

— Питер, почему у вас до сих пор усы? Вы уже давно в Америке!

— Что это у вас за рубашка? Как вы сказали? «Косовороткай»? В Америке никто не носит таких рубашек. Это—варварство!

«Варвар» не выдержал и попросил, чтоб его перевели в другое отделение. Его поставили на сборку граммофонных мембран. Норма была 100 штук в день, работать 10 часов, зарплата — 12,5 доллара в неделю. В виде особого расположения к человеку, рекомендованному Толстым, ему дали дополнительный выходной день — четверг — и разрешили сдавать меньше нормы — 80 штук в день.

Охрименко видел Эдисона ежедневно. Изобретатель электролампы, фонографа, киноаппарата был уже стар, но бодр. Запомнилась Охрименко фраза, которую любил повторять Эдисон: «Ах, Шекспир, Шекспир! Если бы он не был драматургом, он был бы прекрасным изобретателем. Он умел проникать в тайну вещей».

Познакомившись в Орэндже с социалистом Алденом Фрименом, поклонником Толстого, собиравшимся ехать в Россию, Охрименко просил его написать о великом старце из Ясной Поляны.

Фримен приехал в Тулу и обратился с письмом к С. А. Толстой. Он просил ее устроить ему интервью с Л. Н. Толстым, предупреждая, что «его здоровье у меня на первом плане и я не задержу его надолго».

На этом письме Фримена имеется карандашная помета рукой Толстой на английском языке: «С прискорбием извещаю вас, что мой муж не совсем здоров и не может принять вас».

Однако Лев Николаевич все-таки согласился принять Фримена, и тот немедленно написал Охрименко в Нью-Йорк восторженное письмо:

«Тула, 17 августа 1910 года. Только что получил письмо от графини Толстой, что ваш великий русский писатель примет меня завтра в 12 часов в Ясной Поляне. Я расскажу ему, как благодаря его письму к Томасу Эдисону ты получил работу в минуту большой нужды».

Фримен не сообщил, как прошел его разговор с Толстым. Лев Николаевич, видимо, не очень заинтересовался богатым путешествуящим американцем и назвал его в своих записях «глобтроттером», то есть «человеком, слоняющимся по свету».

В том же году, в ноябре месяце, Охрименко узнал трагическую новость: Толстой умер!

«Русский голос» 22 ноября 1910 года сообщил:

«Толстовский вечер

будет в пятницу 25 ноября в Ист-Сайд, Пэриш Холл, 9, Вторая авеню.

Лекция, речи, музыка и картины.
Начало в 8 часов вечера».

Охрименко был на этом вечере. Его удивило, что зал был переполнен. Слава Толстого не знала ни политических, ни географических границ.

Тот же «Русский голос» напечатал резолюцию:

«Выброшенные судьбой из родной страны в далекую Америку, мы, русские эмигранты в городе Нью-Йорке, присоединяем свой голос к голосу всей России, оплакивающей смерть родного писателя Л. Н. Толстого».

После смерти Толстого в жизни Охрименко проходит большая водораздельная черта. Ему надоела «страна свободы», и в 1911 году он вернулся на родину.

О первых годах после возвращения он не любит рассказывать. Тускло как-то жилось...

Иногда даже жалел, что вернулся... Он стал забывать, как его ошарашил Нью-Йорк, как ударила американская жизнь. И он еще не совсем хорошо понимал, что новый мир — это совсем другое, чем диковинные небоскребы, автомобили, машины... И вот грянул Великий Октябрь. И для него, как и для всей России, он стал вторым рождением... Появилась цель жизни, убеждение, что он живет не зря, что может осуществить все, что захочет. Конечно, Охрименко многого не понимал, во многом не разбирался. Правда, он был делегатом 1-го съезда Советов, но в мандате в графе «Партийность» им было написано: «Последователь Льва Толстого...». Но это не помешало ему

всегда голосовать с большевиками, против Керенского. Наверное, поэтому его и избрали два раза председателем районного Совета рабочих депутатов.

В эти бурные годы наступил еще один перелом в его жизни, кажется, последний... И этот перелом связан с именем человека, который был еще более великим и мудрым, чем Толстой...

Вернувшись в Россию, Охрименко продолжал изучать английский язык, хотя и знал, что в Америку не вернется. Читал книжки, пробовал переводить. Для себя. Особенно он полюбил английского поэта Эдуарда Карпентера, друга Уолта Уитмена. Охрименко очень захотелось увидеть свои переводы напечатанными. Был он по делу в Москве в 1919 году. Проходил мимо редакции «Правды». Она помещалась тогда на Тверской (теперь улица Горького). Охрименко подумал — решил, зашел... Идя по коридору редакции, он встретил женщину, остановил ее, рассказал. Это была Мария Ильинична Ульянова — сестра Ленина!

Мария Ильинична прочитала стихи и повела Охрименко прямо к редактору. Н. Л. Мещеряков, который тогда редактировал «Правду», предложил Охрименко самому прочитать стихи. Читал он их, кажется, с волнением и пафосом.

Мещеряков, не говоря ни слова, взялся за трубку и спросил выпускающего, не поздно ли сдать в набор стихотворение. И вот 7 ноября 1919 года, во вторую годовщину Октябрьской революции, Охрименко раскрыл газету и увидел статью Владимира Ильича, а рядом — стихотворение Карпентера.

Его напечатали рядом с Лениным! Петр Федорович даже не поверил, вчитывался в газету, перечитывал, откладывал и опять перечитывал. Рядом с Лениным!.. А когда дня через три он опять пришел в редакцию «Правды», то узнал, что Ленин заинтересовался стихами, спрашивал, кто их перевел. Мария Ильинична рассказала ему про Охрименко. И Ленин написал записку А. С. Енукидзе, Л. Б. Каменеву и Е. Д. Стасовой:

«Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие, подателю,

тов. Петру Охрименко.

Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи, очень прошу созвониться со мной.

В. Ульянов (Ленин)».

12.XI.1919

Енукидзе распорядился выдать две буханки хлеба и несколько банок консервов. Это была такая роскошь, о которой в то время и мечтать не приходилось! На вещевой базе Охрименко выдали полушубок, валенки, пару белья...

И Петр Федорович остался в Москве. Он работал в «Правде», потом в отделе печати Коминтерна. Переводил с английского. Познакомился с Джоном Ридом, его женой Луизой Брайант, Альбертом Рисом Вильямсом... С ним Охрименко побывал в Ясной Поляне в 1923 году.

Так завершился круг — он обратился к Толстому в Америке, а поклонился его праху вместе с революционным американским писателем...

Вся творческая жизнь Петра Федоровича проходит в селе Забаровка, на родной Черниговщине. Это энергичный, полный сил человек с ясной, спокойной речью, с добродушной усмешкой на лице.

А какова судьба Пантелеймона Лобача?

В ноябре 1960 года журнал «Огонек» опубликовал очерк о Толстом, Эдисоне и двух русских парнях, уехавших в Нью-Йорк пятьдесят лет назад. Через два месяца в редакцию пришло письмо, написанное собственной рукой Лобача.

«Я рад сообщить,— пишет Лобач,— что в настоящее время я жив, здоров и проживаю на Украине, в г. Полтаве...»

Из этого письма мы узнали, что уже после отъезда Охрименко из Америки Лобач стал одним из основателей «Союза русских рабочих» в США и деятельным сотрудником русской газеты «Голос труда». В качестве представителя русской рабочей группы в Нью-Йорке П. Лобач исколесил все штаты и неоднократно подвергался арестам. Вернулся он в Россию в 1914 году, попал на фронт, получил несколько ранений, но остался жив.

Письмо это прочитал и Охрименко.

— А я был убежден, что Пантя Лобач убит на галицийском фронте!

Через пятьдесят лет на родной Украине встретились два друга.

* *
*

В записках Бонч-Бруевича о том, как он с Лениным в 1918 году встретился во дворе Кремля, есть такие слова:

«Владимир Ильич вдруг круто повернулся и посмотрел туда, где виднелся Иван Великий, Успенский собор...

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви? — спросил он.

— В Успенском соборе прежде всего, а потом, как полагается, во всех церквах...

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник,— сказал он вдруг.

— Вот этого снести,— показал он на порфиросную фигуру Александра II, — все это преобразить, — и он окинул все, что вокруг памятника, — и сюда Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственников, роскошь...

И Владимир Ильич стал с увлечением говорить о Толстом.

ЧЕРНЫЙ АДМИРАЛ

В 1910 году в городе Ньюкасле, на реке Тайн, английская фирма Армстронг-Уитворт закончила постройку самого большого военного корабля в мире.

Кроме гостей, зрителей и почетного караула английских моряков с оркестром, на набережной стоял и будущий экипаж дредноута «Минас Жерайс» — шеренга бразильских матросов-негров в ослепительно белых форменках.

Внимание! Раздался пушечный выстрел, разбилась о корпус традиционная бутылка шампанского, и белый корабль медленно сошел со стапелей в мутную воду. Ветер трепал на носу судна желто-зеленый бразильский флаг. Оркестр играл национальный гимн Бразилии — «Услышали Ипиранги спокойные берега». Негры замерли в неподвижном равнении.

В шеренге моряков возвышался великан Жоан Кандидо. На рукаве у него нашивки за 15 лет службы. Он был отличным техником. Его знали в бразильском флоте. Один из его бывших капитанов сказал о нем: «Если бы Кандидо не был негром, он мог бы стать бразильским Нельсоном». И в это можно было поверить, если поглядеть повнимательнее на его глубоко сидящие, живые глаза и тяжелые, энергичные черты мужественного лица. Человек большой мысли и дела, но его биография была типичной для бедного негра: с детства он батрачил, был рыбаком, потом завербовался во флот. Почему именно во флот? Потому, что для бразильского негра флот был тем местом, где «хорошо кормят», где можно хотя бы временно забыть о похлебке из подгнивших овощей. По голоданию народа Бразилия стояла в то время на одном из первых мест в мире.

Жоан Кандидо бывал во многих портах Европы и Америки и везде слышал одно и то же:

— Откуда эти цветные?

— Это бразильские матросы.

— Бразильские? Разве у Бразилии есть флот?

— Видимо, есть.

Великолепный «Минас Жераис» был укомплектован лучшими моряками. Краса и гордость Армстронг-Уитворта (корабль с самым большим в мире весом бортового залпа — 9 013 фунтов одновременно!) пустился, как говорят в Англии, «в свадебное путешествие».

В Лисабоне

В то же время собрат «Минас Жераис» — бразильский броненосец «Сан-Пауло» прибыл в португальскую столицу и наткнулся на самые неожиданные события.

В ночь на 4 октября Лисабон вздрогнул от пушечного выстрела. Из города донеслись крики, замелькали факелы. Над водным простором внутреннего рейда щелкнуло несколько выстрелов. Вахтенный начальник «Сан-Пауло» доложил об этом капитану. Тот со сна выругался и пробормотал: «Следите за дисциплиной у нас на борту». Ночь прошла спокойно, но утром дело стало приобретать тревожный оборот — в городе шла перестрелка. Против королевской власти восстал 16-й пехотный полк. К нему присоединились артиллеристы. На глазах у бразильцев пушки португальских кораблей стали поворачиваться к живописным белым домикам Лисабона.

Бортовое орудие одного из соседних крейсеров выпустило густое облако дыма, и вслед за этим взлетело облачко над королевским дворцом. За ним второе... третье...

— Что это, перелеты? — спросил штурвальный «Сан-Пауло» негр Мариано у старшины-артиллериста Фелипе.

— Нет, — ответил Фелипе, — это революция.

Это действительно была революция. Вечером следующего дня группа бразильских моряков обошла внутренние комнаты бывшего королевского дворца. У входа во дворец висело полотнище с надписью: «Да здравствует республика!» Последний португальский король Мануэл II Браганца бежал в Англию. Часовые-матросы стояли с винтовками в тронном зале и в королевской спальне. На улицах Лисабона юноши и девушки плясали любимый танец «фадо» и освистывали проходивших попов.

— Видишь, что может сделать корабельная артиллерия? — сказал Фелипе и похлопал Мариано по плечу.

— Ты имеешь в виду Бразилию? — шепотом спросил Мариано.

— Посмотрим, — уклончиво сказал Фелипе.

Громко говорить об этом нельзя было на борту «Сан-Пауло».

Здесь находился бразильский маршал Эрмес да Фонсека, про которого говорили, что он собирается стать президентом Бразилии.

Кстати, на борту того же броненосца накануне падения побывал последний португальский король Мануэл.

Утром 6 октября капитан «Сан-Пауло» категорически запретил матросам отпуска на берег, а на следующий день дредноут снялся с якоря и ушел в далекую Бразилию.

«Образцовый джентльмен»

Говоря о нравах бразильского флота 50 лет тому назад, нельзя не вспомнить командира «Минас Жераис» капитана Батиста дас Невес, которого светские дамы в Рио-де-Жанейро единодушно называли «образцовым джентльменом».

Говоря о Невесе, нельзя не вспомнить и о шибате.

«Шибата» по словарю значит «прут». Это длинная, гибкая, гладкая розга.

В бразильском флоте в 1910 году еще существовали телесные наказания.

Военно-морской министр издал «гуманный приказ», согласно которому наказания шибатой «не должны превышать 20 ударов».

На «Минас Жераис» «образцовый джентльмен» Батиста дас Невес приговаривал матросов к 200 ударам и более. При наказании капитан присутствовал лично. При этом он всегда закуривал сигару. Вспыхивал желто-розовый огонек, появлялся дымок, и со свистом обрушивался на спину матроса первый удар. Били столько времени, сколько нужно было командиру, чтобы выкурить сигару.

Об этом рассказывали в кубриках «Минас», «Деодоро», «Сан-Пауло» и других кораблей без преувеличений: в таких случаях матросы не любят красноречия. Рассказывают вполголоса, сухо и без подробностей. Расходятся молча, плотно стиснув челюсти.

Здесь, в бухте Рио-де-Жанейро, они еще раз обменялись на прощание двумя-тремя короткими фразами, в которых упоминались шибата, Невес, топоры и винтовки. Об этом уже давно шептались матросы «Сан-Пауло», «Минас» и других кораблей в портовых закоулках.

А с палубы улыбалась синяя весенняя бухта Гуанабара. Со сверкающего красками берега Рио тянулась веселая песня. Певец пел немного в нос и постукивал в такт сухой оболочкой тыквы, внутри которой насыпаны плодовые косточки.

К великану Жоану Кандидо подошел матрос-сигнальщик, земляк из штата Сеара.

— Слышал про Марселино?

Кандидо молчал.

— ...Триста восемьдесят пять ударов, потом в кандалы и в трюм. Капитан сказал, что на этот раз ему не хватит одной сигары.

Жоан долго молчал.

— Мы постараемся,— сказал он,— чтоб ему вообще не пришлось курить. Это вредно для легких.

Конец шибаты

22 ноября в 10 часов вечера Батиста дас Невес вернулся на борт вверенного ему корабля. Он побывал в гостях на французском крейсере, который стоял на якоре недалеко от «Минас Жераис». Капитан был в превосходном настроении: ему понравился французский коньяк.

Все казалось в полном порядке. Вахтенный начальник встретил его с рапортом у трапа. Но на палубе его окружила группа матросов.

— Это еще что? — сказал капитан.— Почему ко мне подходят без моего приказа! Кандидо! Старослужащий!

Тут кто-то крикнул: «Да здравствует свобода!»

Капитан прищурился. Только на днях в Рио закончились перевыборы. Большинство голосов получил кандидат либералов Барбоза, но после темных махинаций с избирательными урнами был объявлен президентом его конкурент — английский ставленник маршал Фонсека. Офицеры открыто говорили, что не допустят к власти штатских «башарейсов» («образованных»). По городу ходили армейские патрули.

— Сынки,— вежливо сказал капитан,— вы с ума сошли! Это вас «штатские» подстрекают?

— Дело в наказании Марселино,— проговорил Кандидо.— Сколько сигар вы собираетесь выкурить во время расправы с ним, сеньор?

— Ах, так это шибата! Дети мои... вы хотите...

«Образцовый джентльмен» выхватил револьвер, но выстрелить не успел. Он получил удар топором и свалился на палубу.

На борту «Минас Жераис» закипело сражение. Двое офицеров было убито. Один из них перед этим заколол шпагой матроса. Остальные офицеры бежали в наспех спущенных шляпках.

Как только с борта «Минас» донеслись выстрелы и крики,

началось восстание на «Сан-Пауло» и других кораблях. Через час Кандидо крикнул в рупор, направив его к соседнему броненосцу:

— У нас готово. Что у вас?

— И у нас готово, потерь нет, — ответил Мариано с мостика «Сан-Пауло». — Да здравствует свобода! Конец шибате!

— Вива!

Первый выстрел

Утром 23 ноября набережная Пейши напротив флотского рейда была занята военными частями. Возле самого парапета устанавливали пушки.

На площади «15 ноября», под аркадами кафе, сидели щеголеватые офицеры и пили ледяную смесь из высоких бокалов.

— Матросы слишком много шатаются по свету, — проворчал один из них. — Говорят, «Сан-Пауло» был в Лисабоне, когда свергали короля?

— Был, — хладнокровно сказал другой. — Маршал скоро кончит с ними. Я думаю, до вечера.

— У них самые крупные калибры орудий, — отозвался ворчун, — четыре пары двенадцатидюймовых и двадцать орудий по четыре с половиной дюйма.

— Негры не умеют обращаться с артиллерией и механизмами. Они перепьются и передерутся. Даже штатские, и те негодуют.

— О, штатские! — презрительно отвечал ворчун.

Один из «штатских» — четырнадцатилетний мальчик Отавио — бродил в это время по набережной, засунув руки в карманы. Привело его сюда то, что зачастую приводит мальчишек в самые опасные места войн, катастроф и потрясений, — любопытство.

Он присоединился к кучке молодых людей, которая собралась возле доков. Отсюда хорошо была видна вся бухта Гуанабара.

На фоне золотистой бухты и серовато-коричневой массы гор волнующе развевались яркие красные флаги на мачтах «Минас Жераис», «Сан-Пауло», «Деодоро», на крейсерах «Байя», «Риу-Гранде до Сул» и других, поменьше. Вся эскадра напротив Рио стояла под красными флагами.

Красные флаги на судах военно-морского флота действовали на нервы банкиров и генералов как горящий запал, поднесенный к динамитному заряду. Красный флаг — флаг революций и баррикад, флаг народа — над могучими артиллерийскими башнями броненосцев и крейсеров.

Только русские не удивились бы: они видели эту картину в революционной Одессе в 1905 году, и броненосец, поднявший впервые в истории красный флаг, назывался «Потемкин».

На соседних с гаванью Рио островах Кобрас, Ратос, Эншадас шла подозрительная возня. Видно было, как подтаскивают к парапетах орудия и подвозят снарядные ящики.

Около полудня раздался первый выстрел с берега. Снаряд поднял фонтан воды возле борта «Сан-Пауло». За ним другой.

Тогда заговорила корабельная артиллерия. Бухта содрогнулась от громовых раскатов башенных орудий. Облако дыма окутало прибрежные форты. Один снаряд разорвался возле арсенала, другой снес крышу с таможни.

Толпа бросилась в укрытия. А подросток Отавио с воодушевлением кричал:

— Недолет! Недолет! Бери выше! По форту! Бери выше!..

Мы курим из одной трубки

На верхнем деке «Минас Жераис» собрались матросы.

Жоан Кандидо составил список требований эскадры. Они были очень умеренны: покончить с телесными наказаниями, улучшить питание, увеличить жалованье, не перегружать матросов непосильной работой. Требовали, чтоб матрос имел «законное право жениться» и чтоб девизом бразильского герба был бы не «Порядок и Прогресс», а «Родина и Свобода».

Жоан Кандидо был избран матросами командиром «Минас Жераис» и всей эскадры. Они прозвали его Черным Адмиралом. Он не был оратором. Выступая перед товарищами, он только поблагодарил за доверие и просил «быть верными друг другу».

— Мы курим из одной трубки,— сказал он,— мы пьем из одного стакана.

Он просил строго соблюдать дисциплину. Первый его приказ был выбросить за борт все спиртные напитки. Второй — держать орудия в постоянной готовности. Была послана радиограмма морскому министру: «Мы никому не желаем зла. Просим увеличить жалованье и покончить с шибатой». Ответа не было. Послали такую же радиограмму президенту маршалу Фонсека. Прибавили несколько слов, угрожая обстрелом в случае отказа. Подписались: «Те, кто требует». Ответа не было.

Эскадра обошла всю бухту и вернулась на стоянку. Толпа на берегу все увеличивалась. В Рио никогда не видели такого искусного маневрирования кораблей. Вечером на «Сан-Пауло» был поднят громадный флаг с надписью: «Родина и Свобода».

Прожекторы с «Минас» залили ослепительным светом вход в бухту.

Делалось это неспроста. Друзья с берега сообщили, что английская эскадра вышла из Монтевидео и направляется в Рио-де-Жанейро, вероятно, чтобы установить «порядок».

На следующий день снова было дано несколько выстрелов. Потом по набережной прокатился слух: Кандидо требует воды.

— А если ему не дадут?

— Тогда Черный Адмирал распорядится снести с лица земли форты острова Кобрас.

Вода была послана восставшим на катере «Игуасу». Кандидо приказал командиру катера выпить первым, и только после этого разрешили пить матросам.

Флот под красными флагами командовал морскими подступами к Рио-де-Жанейро. У маршала Фонсека явно не хватало сил.

И тогда в дело вступили политики, военные и штатские.

Парламентер

Прежде всего на восставшие корабли был послан парламентер. Это был один из самых либеральных командиров флота — капитан Карвальо.

Кандидо встретил его у трапа «Минас». Карвальо обратился к морякам и призвал их сложить оружие. Матросы молчали.

Карвальо отправился на «Сан-Пауло». И там ответом было молчание. То же самое на других судах.

Вернувшись на берег, он сказал командиру морского арсенала:

— Я прошел все корабли и нигде не видел ни малейшего беспорядка. Матросы сохраняют дисциплину. Они мастерски управляют кораблями.

Красные флаги продолжали реять над эскадрой.

«Амнистия»

Во всех странах газеты писали о восстании.

Кронштадтская газета «Котлин» от 12 (25) ноября 1910 года:

«По полученным из Гамбурга сведениям, в Рио-де-Жанейро серьезные беспорядки. Стоящие в гавани бразильские военные суда, по слухам, сочувствуют мятежникам. Подробностей нет».

Европейские телеграфные агентства сообщали:

«Лондон. Восстание негров-моряков в Бразилии было в течение нескольких дней главной сенсационной темой печати

Европы и Соединенных Штатов. На бирже курс бразильских акций находится под угрозой резкого падения».

Петербургская газета «Новое время» от 13 (26) ноября 1910 года:

«Париж. Агентство Гавас публикует подробное сообщение о мятеже судовых команд в Рио-де-Жанейро... Все офицеры были высажены на берег, и командование эскадрой принял на себя матрос Жоан Кандидо. Мятежники немедленно, по беспроволочному телеграфу, уведомили президента Бразильской республики о своих требованиях. Правительство не дало ответа. Начался слабый орудийный огонь, который продолжался всю ночь. Утром суда стояли в бухте под красными флагами и в 7 часов утра открыли огонь по крепости».

«Нью-Йорк. Бразильское правительство в ужасе от смелости моряков. Сообщают, что европейская печать иронически относится к методам бразильских генералов в борьбе против восставших».

Но бразильские генералы прекрасно усвоили уроки истории Европы и Америки — если нет возможности применить силу, надо применить улыбку.

24 ноября было объявлено об отмене телесных наказаний на флоте, и сенат «благородно» предложил восставшим «амнистию».

26 ноября правительство получило ответную радиограмму с рейда: «Мы складываем оружие, веря в амнистию». Говорили, что маршал впервые со дня восстания улыбнулся, читая этот несложный текст.

У Черного Адмирала не было воды и продуктов. Английские крейсера запирали путь в океан. Матросы приняли «благородно предложенное» прощение грехов. Бразильские генералы применили улыбку. Бразильские акции были спасены.

Репортеры наводнили палубы «Минас» и «Сан-Пауло». Кандидо сказал им:

— Мы выступаем главным образом против шибаты. Это наказание применялось против рабов и животных. Тело того, кто служит родине, может быть поражено только оружием врага, а не ударом розги, нанесенным своим братом.

Английский корреспондент лукаво спросил Черного Адмирала:

— Вы рассчитываете долго служить во флоте?

— Я моряк и умру моряком,— ответил Кандидо.

Прошло две недели. Казалось, что правительство Фонсека, объявив амнистию, забыло о восстании. Но 12 декабря неожиданно был издан декрет об осадном положении.

В тот же день вечером два баркаса с артиллерией подошли

к бортам «Минас Жераис» и «Сан-Пауло» и сняли с них большую часть экипажа. Было арестовано более тысячи матросов, только недавно амнистированных. В течение нескольких месяцев около двух тысяч было уволено. Фонсека проводил подлинную «чистку» личного состава флота.

Кладбище Кажу

На острове Кобрас, у самой набережной Рио-де-Жанейро, уже более полутора столетия находится военная тюрьма. Главари восстания флота были распиханы по несколько человек в узкие одиночные камеры.

Стоял знойный тропический декабрь южного полушария. Все окна и щели камер были тщательно закрыты. Не было ни воздуха, ни воды. Полуголые матросы сидели так тесно, что не могли повернуться.

Проходили дни и месяцы. Люди погибали. Крики и стоны предсмертной агонии постепенно ослабевали.

Если ночью смотреть с набережной Кажу, «береговой фронт» Рио выглядит как цепь алмазов на лиловом бархате ювелирного магазина. Теплая волна декабрьского прибойа набегала и долго шипела на песке.

В лучах прожекторов чуть шевелились метелки пальм. Полицейские катера сновали по бухте.

Катер с погашенными огнями подошел к берегу и выставил сходни. Темные фигуры вытаскивали на пляж трупы в матросских форменках — их было больше полусотни.

Затем их понесли вверх, к кладбищу. Что было дальше, неизвестно. Никаких матросских могил 1910 года на кладбище Кажу нет. Ни одна надпись не напоминает о жертвах острова Кобрас. В президентском послании от 3 мая 1911 года сухо сказано, что в тюрьмах «умерло 18 арестованных моряков».

Жоан Кандидо спасся чудом: он лежал среди трупов и бредил. Его приняли за сумасшедшего и отвезли под конвоем в психиатрическую лечебницу. Его судили целых два года и наконец, больного и замученного, навсегда изгнали из флота.

Большую группу моряков отправили в ссылку. На канонерке «Сателлит» они прибыли в центральную часть Бразилии, в город Манаус, проделав за 42 дня больше двух с половиной тысяч километров по морю и по реке Амазонке. Их поселили в сырых джунглях, в местах, где человек долго жить не может.

Газета «Фолья де Норте» лаконично отметила:

«Сателлит» привез 250 воров, 180 бродяг, 120 сутенеров, 250 восставших моряков и 44 проститутки».

Судьба героев

«Потемкин» навсегда вошел в историю русской революции. Матросы знаменитого черноморского корабля так и не спустили флага.

Судьба бразильских матросов была иной. У них не было никакой организации, не было связи с берегом. Матросы поверили «амнистии» маршала Фонсека.

Какова же судьба героев нашего рассказа?

Жоан Кандидо тосковал по морю. Одно время он служил в торговом флоте, но был снова уволен. Он поступил грузчиком в рыбный склад. Рыба на складе была морская, от нее пахло солью и йодом. Наконец Кандидо не выдержал: он обратился в морское министерство с просьбой принять его во флот, как старослужащего матроса. Ответ был неожиданный: «Жоан Кандидо никогда не служил в военном флоте Бразилии».

Мы не знаем, где и когда умер Черный Адмирал. Он закончил свои дни всеми забытый.

Четырнадцатилетний мальчик Отавио, который когда-то бродил по набережной Рио-де-Жанейро и восторженно разглядывал красные флаги революционных кораблей в бухте Гуанабара, вырос, стал писателем и общественным деятелем Отавио Брандао. Он и поведал о печальной судьбе Черного Адмирала.

Сняв шапки, вспоминаем мы о бразильских братьях «потемкинцев», об их Черном Адмирале, об их знамени с надписью «Родина и Свобода».

Неожиданный эпилог

Спустя несколько месяцев после того, как эти строки были напечатаны в журнале «Огонек», редакция получила письмо от Отавио Брандао и корреспондента агентства печати «Новости» в Бразилии Олега Игнатьева. Письмо имело неожиданный заголовок: «Жив Черный Адмирал!».

Легендарный герой бухты Гуанабара был действительно жив. Он не сошел с ума, а только симулировал помешательство. После двух лет судебного разбирательства он заболел туберкулезом, и его отпустили на волю как «безнадежного»...

Сорок лет, однако, работал он грузчиком на рыбном причале на площади Праза Кинзе. Сорок лет таскал рыбу в корзинах этот первоклассный моряк. Но море было ему запрещено. Он только дышал его запахом и тосковал.

В 1963 году Игнатьев и Брандао нашли старика в его доме в городке Коельо да Роша. Высокая, статная фигура седого

негра в очках выросла перед ними на пороге дома. Жоан Кандидо смущенно улыбался, слушая взволнованную речь Брандао. Ему подарили экземпляр «Огонька». Он внимательно выслушал перевод очерка на португальский язык.

— Да, я был таким,— мечтательно сказал он, указывая на свой портрет 1910 года.— И мне очень приятно, что обо мне вспомнили в далекой Москве. Я знаю о Советской стране, я много читал и слышал о ней. Советские люди — очень искусные моряки.

Жоан Кандидо был очень стар, и потомство у него было большое — две дочери, шесть сыновей и двадцать два внука. Жил он со своей женой Аной до Насименто в доме одного из сыновей, которые его поддерживали в старости.

Свидание было коротким. На прощание Жоан Кандидо вышел на порог и мечтательно произнес:

— Вы чувствуете, как пахнет морем?

Морем на самом деле не пахло. Пахло сожженной травой, апельсинами и чуть-чуть манго.

Игнатьев и Брандао переглянулись.

— Да... Конечно,— сказал Брандао,— действительно пахнет морем. Вы чувствуете, Олег?

— О, без сомнения,— откликнулся Олег Игнатьев.— Этот запах ни с чем не спутаешь!

Моряк не может забыть запах своей стихии. Лишенный моря, Черный Адмирал остался моряком и в глубокой старости.

82°20' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

Там мерзлыми шумит крылами
Отец густых снегов Борей
И отворяет ход меж льдами...

Ломоносов.

Это было несколько лет назад. Маленькая пожилая женщина с живыми глазами приветливо встретила меня в старом ленинградском доме на улице Халтурина. Комната была обставлена старинной мебелью красного дерева. Со стен смотрели портреты: екатерининские офицеры в париках и дамы XIX века в кринолинах. Вера Валерьяновна Седова вынула из бюро старомодный портфель, а из портфеля две тетради в черных клеенчатых переплетах. Она просила бережно обращаться с

этими скромными тетрадками, и я принял их обеими руками, как священную реликвию.

Строчки были написаны уверенным, энергичным почерком— это рука легендарного человека нашего столетия. Это был непубликованный дневник Седова.

Я не мог побороть в себе странного ощущения какой-то волшебной сказки. Передо мной стояла женщина, которая была женой Седова, провожала его пятьдесят лет назад в героический поход к Северному полюсу, откуда он не вернулся.

Я невольно пристально вгляделся в стоявшую на столе фотографию: в парадной морской форме Седов, в белом подвенечном платье Вера Валерьяновна.

Продолжение этой сказки было в Красногорске, недалеко от Москвы, в Государственном кинофотофоноархиве. В этом массивном здании хранятся миллионы метров пленки, на которой навеки запечатлена наша эпоха. Здесь, в маленьком просмотровом зале, я увидел на экране мою ленинградскую знакомую, но еще совсем молодую, с быстрыми движениями, со счастливым лицом. Рядом с ней Георгий Яковлевич Седов — крепкий, мужественный моряк с мечтательными глазами. Когда он отправился к Северному полюсу, ему было тридцать пять лет.

Я снова бережно перелистывал листки клеенчатых тетрадей.

14 (27) августа 1912 года. Парусно-паровой корабль «Святой Фока» уходит из Архангельска. На нем находятся участники русской полярной экспедиции, поставившие себе целью достигнуть Северного полюса пешком.

«В этом состязании участвуют почти все культурные страны,— писал Седов в Главное гидрографическое управление,— и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор».

А вот слова самого Ломоносова: «Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпринять долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-м и 65-м северной широты обращаться...»

Седов хотел водрузить русский флаг на полюсе, хотел осуществить заветы великого помора и устремиться во льды Севера прежде всего в интересах русской науки.

Известный русский географ Семенов-Тянь-Шанский высказался по поводу полярных экспедиций сдержанно, но твердо: «В сущности, совершенно безразлично, побывал ли путешественник на точке предполагаемого полюса, а важны произведенные им наблюдения, важна степень подготовленности путешественников к таким наблюдениям...»

В состав экспедиции Седова входили люди науки: гидрограф, геолог, географ, в том числе В. Ю. Визе, ставший в наши дни академиком. Принимал участие в экспедиции и Н. В. Пинегин, впоследствии прославленный художник.

Особенностью экспедиции Седова было снаряжение ее на общественный счет. Правительство решительно отказалось дать деньги Седову. Газета «Голос России» торжественно объявила: «Морское министерство высказывает тот правильный взгляд, что России не нужен Северный полюс... Кредиты Морского министерства созданы для возрождения морской мощи страны, а вовсе не для покровительства «гаттерасовских авантюр».

Итак, с одной стороны русская наука и подвиг, с другой — морское министерство и «гаттерасовские авантюры»...

Белоподкладочные морские офицеры не любили Седова. Им был чужд этот «выскочка» — сын рыбака с Азовского моря.

Недавно в архиве Географического общества СССР была найдена и появилась в печати автобиография Г. Я. Седова. Она читается, как роман. «До четырнадцати лет я не знал грамоты,— писал Седов,— состоял большей частью при отце, промышляя вместе с ним рыбу, или уходил на поденщину в поле...

Захотелось мне научиться грамоте, но не тут-то было. Отец нас вскоре бросил и скрылся без вести на три года. Мать наша была в отчаянии, и мы сразу сели на голодовку...»

Здесь было все, что только может принести ужасная нищета: и побои за украденную на топливо доску, и хождение по деревням за милостыней, и тяжкая смерть братьев, и тяжелая работа пастуха у зажиточного казака. Только в четырнадцать лет усвоил Седов три десятка букв русского алфавита и за два года окончил церковноприходскую школу. Следующей должностью будущего полярного капитана было место приказчика в бакалейной лавке.

«Как-то пришла шхуна с солью, на ней был капитаном совсем еще молодой человек. Я его подробно порасспросил, как можно выучиться на капитана. Он мне любезно объяснил, что для этого существуют мореходные классы во многих городах России, есть и в Таганроге и Ростове-на-Дону...»

Седов бежал из дому и слезно вымолил себе место матроса на пароходе «Труд».

— Неси свои вещи за мной,— сказал ему боцман.

Седов растерянно развел руками. Вещей у него не было.

Прошло несколько месяцев, и Седов имел уже необходимый стаж, чтобы поступить в мореходные классы. Он стал зарабатывать в каникулярное время и добился диплома штурмана каботажного плавания. Спустя год он был уже и штурманом дальнего плавания. Через несколько месяцев, послужив на во-

енно-учебном судне «Березань» в Севастополе, он выдержал экзаме́н на чин прапорщика запаса флота.

Седов приехал в Одессу, окрыленный мечтами: думал стать помощником капитана в добровольном флоте. Но вместо парохода попал... в ночлежку, ибо вакансий в добровольном флоте не оказалось, а деньги вышли.

Через полтора месяца изголодавшемуся и лишенному даже одежды прапорщику запаса необыкновенно повезло — он поступил простым матросом на пароход «Царь», который шел в Египет.

Так прокладывал себе путь Георгий Седов.

Но морская дворянская каста не могла принять в свои ряды человека «без роду, без племени», который выдвинулся исключительно благодаря личным заслугам. Вдобавок Седов отличался и «крамольными» взглядами: он, например, выступал в печати за право женщин участвовать в морских походах и даже издал в 1908 году книгу «Право женщин на море», что в те времена считалось чуть ли не «подрывом устоев» флота...

Экспедиция Седова в Арктику была снаряжена «по подписке». Трогательно читать письма, которые приходили к Седову со всех концов страны вместе с деньгами.

«...Прилагаем при сем скромную сумму, собранную сегодня в спортивном кружке студентов-технологов...»

«...Я считаю своим долгом пожертвовать свое двухмесячное жалованье... При сем прилагаю 1 рубль. Стрелок-рядовой пограничной стражи П. Л...»

Было собрано 108 тысяч рублей. Зафрахтовано зверобойное судно «Святой Фока», целиком дубовое. По мысли организаторов экспедиции, такой корабль гораздо лучше должен был вести себя во льдах, чем тяжелые суда, которые легко попадали в ледовый плен и подвергались сжатию. Личный состав экспедиции был уменьшен до предела — всего семнадцать человек.

В проспектах о будущем морском походе писали (имея в виду действия после достижения Земли Франца-Иосифа): «В начале 1913 года полюсная партия, в составе трех человек (считая Седова), на шести нартах (60 собак) идет к полюсу, а главная экспедиция под командой ближайшего помощника Седова — штурмана — занимается все время, до возвращения полюсной партии, научными работами у берегов Земли Франца-Иосифа.

Достигнув полюса, партия делает там необходимые астрономические и другие наблюдения в течение дня-двух, в зависимости от погоды, водружает русский флаг и возвращается обратно (если окажется, что пройденный путь слишком тяжел) к берегам Гренландии, по течению, к мысу Колумбия — широта

84° — и через Америку в Россию». Предполагалось также основать на Земле Франца-Иосифа постоянную научную базу.

Итак, «Святой Фока» отвалил от причала Архангельска после обязательного молебна, в течение которого художник Пинегин вращал ручку киноаппарата, прилежно выполняя инструкции своего учителя кинооператора-испанца по фамилии Серрано, который поучал его: «Быстрее крути, а то на экране ваш поп будет бегать, как собако...»

Пинегину мы обязаны документальным фильмом размером около 1500 метров об экспедиции Седова. Это первый полнометражный фильм об Арктике, снятый в России.

На экране мы видим вынужденную зимовку седовцев на Новой Земле и их дальнейший путь к Земле Франца-Иосифа. Обстановка сразу же сложилась трудная. По вине купцов-подрядчиков «Фока» вышел из Архангельска с опозданием и попал в тяжелые льды. Вместо предполагаемой одной зимовки получились две — вторая уже на Земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой, на широте 80°20'. Зимовка была очень напряженной. Появилась цинга. Заболел сам Седов.

2(15) февраля, несмотря на болезнь, неукротимый полярник двинулся на север с матросами Линником и Пустошным. 8(21) февраля 1914 года он отметил в своем дневнике:

«Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться. Под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся у примуса...»

На следующий день:

«Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел впереди Линник, а я сидел на нарте, в которую подпрягли двух лишних собак. Этой же нартой я с трудом управлял. Мне дышать совсем трудно на морозе за работой...»

15(28) февраля слабеющей рукой Седов записывает:

«В десять часов утра, ясно, морозу 30 градусов. Пошли через пролив к Земле Рудольфа, которая ясно была видна. Я ужасно разбит болезнью. Сильнейший бронхит, болит горло, и распухли ноги, лежу все время в мешке, настоящий мученик...»

1 марта Седов сделал последнюю запись в своем дневнике: «Болен я адски и никуда не гожусь... Увидел выше гор вперые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы. Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, больные, удрученные, под 82° северной широты...»

Началась свирепая арктическая пурга.

В это время далеко на юге Вера Валерьяновна с замираю-

щим сердцем ждала известий — даже не известий, а любых знаков, свидетельствующих о том, что ее давно отсутствующий муж жив в полярной пустыне. К ней приходили друзья, старались укрепить в ней надежду, но что могли они сообщить нового?

В Петербурге грохотали оркестры, шли гвардейские парады. Газеты писали о «происках Вены и Берлина» все в более угрожающем тоне. Европа вооружалась и постепенно скатывалась к тому роковому солнечному дню, когда в Сараеве раздался выстрел, покончивший с наследником австрийского престола и возвестивший о начале мировой войны.

Не многие вспоминали о Седове. Не многие и знали, как найти на глобусе точку, где он находится. Морское министерство было занято подготовкой к войне. Судьба российского «Гаттераса», бредущего к Северному полюсу, никого не занимала.

В ночь с 3 на 4 марта Линник записал в своем дневнике: «Всю ночь о сне никто и не думал, так как ежеминутно начальник теряет сознание, мечется во все стороны, ища облегчения. Все время горит примус, растираем спиртом грудь и ноги начальнику, но облегчения никакого не получается и видимо, что болезнь принимает опасный оборот. Боюсь, чтобы все не окончилось печально...»

5 марта новая запись: «Пустошный, стоя на коленях, держит примус над грудью начальника, я поддерживаю на руках голову. К великому нашему горю, это продолжалось недолго, и в 2 часа 40 минут дня начальник в последний раз сказал: «Боже мой, Линник, поддержи!» Голова, находившаяся у меня на руках, склонилась, (он) слегка захрипел и испустил последнее дыхание. Страх и жалость, в эту минуту мной овладевшие, никогда в жизни не изгладятся из моей памяти...»

9 марта — холодный, но ясный день. Пурга улеглась. Два человека в ледяной пустыне, сгибаясь, тащат нарту, на которой в парусиновом мешке лежит тело Седова. На мысе Аук, на берегу острова Рудольфа, они разгребают снег лопатой, опускают тело, накрывают его русским флагом и засыпают могилу. Остается поставить крест, сколоченный из лыж, и положить камни.

Оставив у могилы нарту, кирку и молоток, двое матросов, похожих на тени, бредут обратно. Седов остается один на широте 82°20'. От Северного полюса его отделяет около тысячи километров.

Древко от флага, оставленного матросами на могиле, было найдено сотрудниками советской полярной станции в 1938 году. Его можно увидеть в Музее Арктики в Ленинграде.

Линник и Пустошный, полуживые, добрались до своего корабля 31 марта. В топку «Фоки» было брошено все способное гореть, даже деревянные части корпуса. 12 августа «Фока» вышел с зимовки и добрался до чистой воды. Он дошел до Мурманска под парусами. Россия уже вступила в войну.

Петербургские чиновники встретили седовцев презрительно. Морской министр Григорович отпустил по адресу погибшего Седова чудовищную фразу: «Жаль, что не вернулся этот прохвост, я бы отдал его под суд за просроченный отпуск...» Когда родители Седова попросили материальной поддержки, им было отвечено, что экспедиция, дескать, никакого отношения к морскому министерству не имела. Подписал это сочинение некий «заведующий канцелярией коллежский асессор Около-Кулак».

Давно уже нет в живых отважного моряка, «просрочившего свой отпуск», чтобы прославить Родину и человечество. Недавно опустела и старая квартира в Ленинграде на улице Халтурина. Маленькая старушка Вера Валерьяновна закрыла навеки свои живые глаза.

Остались только тетради, вещи, воспоминания, фотографии и кинокадры. Они не умирают.

Седов до полюса не дошел. Но имя Седова не сходит с географических карт, с бортов кораблей. Вот поселок имени Седова (бывшая Кривая Коса на Азовском море, где он родился). Вот прославившийся своим ледовым дрейфом орденоносный ледокол «Седов». Вот полярная обсерватория на мысе Седова (Земля Франца-Иосифа) — самая северная обсерватория в мире.

То, что начал Седов пятьдесят лет назад, продолжили новые поколения. Русские люди водрузили на Северном полюсе советский флаг. Целый мир создан в Арктике руками отважных полярников. Сбылись мечты Седова. По Великому Северному морскому пути идут караваны судов.

Заслуги Седова и седовцев — собранные ими научные сведения о берегах полярных островов, о морских течениях, о дрейфе льдов, о глубинах, ветрах, температурах и т. п. — все это оказалось неизмеримо выше, чем представлялось вначале, при обработке материалов. Дух Ломоносова поистине витал над «Святым Фокой», над экспедицией Седова.

Дело, завещанное нам Седовым, находится в надежных руках. Не на жалких нартах с двумя собачьими упряжками достигают полюса советские люди. Полюс видит самолеты с медведем на фюзеляже и надписью «Полярная авиация», арктические льды дробятся под могучим форштевнем атомохода «Ленин» — шестнадцать тысяч тонн его водоизмещение, сорок

четыре тысячи лошадиных сил его атомная машина. А «Святой Фока»? Двести семьдесят три тонны было его водоизмещение, а машина имела сто лошадиных сил.

Имя Георгия Яковлевича Седова навсегда высечено на пьедестале героев нашей страны. Ему посвящены замечательные строки советского поэта Н. А. Заболоцкого:

Вставай, Седов, отважный сын земли!
Твой старый компас мы сменили новым,
Но твой поход на Севере суровом
Забыть в своих походах не могли...

ВИКИ

18 ноября 1965 года Президиум Верховного Совета СССР наградил (посмертно) орденом Отечественной войны первой степени героиню Сопротивления во Франции Веру Аполлоновну Оболенскую.

Друзья называли ее Вики. С этим именем она вошла в историю Сопротивления. Сегодня это уже легендарное имя.

И вот я в квартире ее мужа, ныне священника, Николая Александровича Оболенского, в Париже, на улице Дарю, в служебном доме при соборе Александра Невского.

Со стены смотрит на меня юное, добродушное, немного скуластое лицо молодой русской женщины с огромными искрящимися глазами.

И муж и все друзья покойной Вики в один голос говорят, что трудно было найти человека более жизнерадостного, более обаятельного, более открытого и располагающего к себе, чем Вера Аполлоновна. Ее ближайшая подруга М. М. Муравьева, также причастная к движению Сопротивления, так характеризовала Вики в беседе со мной:

— Покинув родину ребенком, она до глубины души была русской. Радовалась снежку, столь редкому во Франции, потому что он русский, березке, если такая попадалась ей. Живо интересовалась всем, что происходило на Родине...

Вера Оболенская (тогда еще Макарова) читала советскую литературу, слушала Московское радио и радовалась, как дитя, когда в Париж впервые приехал Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А. В. Александрова. Она повторяла русские песни и особенно любимея ей «Полюшко-поле»...

Другая подруга Веры Аполлоновны, активная участница Сопротивления, Софья Носович, вспоминает о ней:

«...Какое милое русское лицо: ясные, светлые, смеющиеся глаза, мягкие черты лица, что-то такое свое, дорогое, близкое. А потом, после ближайшего знакомства, открывалось и другое: ее сильная, горячая любовь к жизни, ее ум, ее доброта. В ней была ширь во всем. Она была способна ко всему чисто по-русски: все схватывала на лету; читала много, разбросанно, но с любовью и чутьем; любила много выезжать, танцевать и веселиться; искала смеха и радости — брала жизнь легко...»

До войны немногим из знавших ее людей могло прийти в голову, что эта брызжущая весельем женщина через несколько лет покажет примеры невероятной стойкости, самообладания, твердости и преданности своему делу — делу освобождения человечества от фашистского рабства.

В квартире Николая Оболенского, бывшего участника Сопrotивления и узника Бухенвальда, на меня повеяло воздухом тех лет, когда оккупированный Париж, затемненный, настороженный и молчащий, где-то в невидимой глубине вел борьбу с захватчиками.

«Секретная армия» Сопrotивления возникла в августе 1940 года, через два месяца после того, как парижские мостовые задрожали от грохота гитлеровских танков, когда Франция была оглушена, подавлена и растеряна.

Казалось, что все потеряно. Мощь Франции рухнула за короткий срок. Толпы парижан беспорядочно двигались на юг, спасаясь от немецких патрулей, от тюремных грузовиков, от украшенных свастиками объявлений, угрожавших смертной казнью за любой самый пустяковый проступок.

И тогда еще мало кто знал, что существует другая Франция — не та, которая подписала капитуляцию в Компьенском лесу, не та, которая обосновалась в Виши, заменив название Французской республики подозрительной вывеской «Французское государство», — существовала подпольная, несдающаяся Франция, и у нее была армия.

Размах действий этой армии день за днем становился все шире. Незаметные люди переправляли добровольцев в Лондон и Алжир, организовывали взрывы на военных заводах, собирали сведения о размещении военных складов и батарей для летчиков союзной авиации, принимали оружие с воздуха, печатали и распространяли листовки и начиная с 1942 года устраивали побег советских военнопленных из концлагерей.

Движение Сопrotивления перешло в решительную фазу тогда, когда во Франции появились многочисленные отряды бойцов из бывших советских военнопленных, возглавляемые французскими коммунистами.

Взлетали на воздух мосты, падали с откосов поезда, разлетались на куски гитлеровские зенитные батареи. Отдельные эпизоды этой битвы когда-нибудь станут материалом для ученых и поэтов.

Боясь пропустить хоть одно слово, я слушаю Николая Александровича.

— Вики была секретарем Жака Артюиса, одного из основателей движения Сопротивления. В декабре 1941 года Артюис был арестован и погиб в концлагере. Вики продолжала работать секретарем у его преемников — Симона и Блок-Маскара. В своей парижской квартире она хранила архивы подпольной организации, принимала курьеров с разных концов Франции и из-за границы, переписывала на машинке приказы и донесения, снимала копии планов гитлеровских секретных сооружений, схем мест высадки парашютистов «Сражающейся Франции» и снабжения оружием партизанских групп.

Память у Вики была невероятная. Она ничего не записывала. Имена, клички, номера телефонов, адреса — все это отпечатывалось у нее в мозгу с идеальной точностью. Ее находчивость стала темой для анекдотов.

Софья Носович вспоминает, что однажды Вики попала в облаву с чемоданом, наполненным секретными документами. На вопрос полицейского, что у нее в чемодане, она весело ответила: «Конечно, бомба, мсье...» Полицейский расхохотался и пропустил ее.

16 декабря 1943 года один из подпольщиков был арестован. Он не выдержал пыток и выдал организацию. Впоследствии он покончил с собой.

На следующий день, в 11 часов утра, Вики пришла к Софье Носович и принесла с собой несколько документов.

— Нельзя здесь задерживаться, — сказала она. — Ты знаешь, вчера арестовали Д.

— Он моего адреса не выдаст, — уверенно отвечала Носович, — сюда ведь ходят все его товарищи и его собственный брат...

В этот момент постучали в дверь. Носович открыла и оказалась перед дулом револьвера. Некий господин в пиджаке, увидев ее, радостно закричал:

— Софка! (Так звали С. Носович ее друзья.)

— Кто вы?! — спросила «Софка».

— Гестапо! Здесь находится ваш подпольный центр?

— Ваше удостоверение, — холодно сказала «Софка».

Господин в штатском предъявил документ. Носович прочитала его и недоуменно обратилась к Вики:

— Простите, не понимаю, что здесь происходит, но это действительно из гестапо...

Вики поднялась и произнесла невозмутимо:

— Тогда я пойду...

Но господин в пиджаке резко направил на нее револьвер.

— Нет! Не пойдете! Дайте вашу сумку!

Он просмотрел внимательно все содержимое и заметил хриплым голосом:

— Славная находка!

Обе подруги немедленно были скованы наручниками. Выйдя во двор, они подняли скованные руки повыше, чтобы предупредить тех, кто оставался в доме. Вики усмехнулась.

— «Сегодня нитью тонкой связала нас судьба»,— процитировала она старинный русский романс.

На допросе «Софка» была избита и изувечена. (Она теряла слух от непрестанных ударов по голове.)

Даниель Галлуа (он же Ламбер) впоследствии вспоминал, как встретился с Вики в тюремном грузовике в марте 1944 года. Этот грузовик вез заключенных из тюрьмы Френ в Париже в Аррас.

Вики была невозмутима. Она тщательно наблюдала за направлением грузовика и называла Ламберу один пункт за другим. Немецкий солдат наклонился к ней и проговорил на ломаном французском языке:

— Мадам, говорить есть чрезмерно запрещено для вас и для господинов!

Вики продолжала бормотать под нос, делая вид, что напевает. Но, внимательно прислушавшись, можно было разобрать повторение одной и той же фразы: «Мы их побьем, мы их побьем, мы их побьем...»

Вики на допросах не сообщила ничего. Она искусно играла роль ни к чему не причастной и ничего не знающей парижской дамы.

— Шеф правильно поступил, что вас арестовал,— хмуро говорили ей шпики,— все вы коммунисты, так вам и надо...

— Если вы против коммунистов,— ответила Вики,— идите на Восточный фронт и сражайтесь с ними!

— О нет,— процедил сквозь зубы какой-то юноша, явно из буржуазной семьи,— я боюсь войны, а здесь хороший спорт...

Он многозначительно поиграл наручниками.

Допросы следовали за допросами. Вики непрестанно сбивала с толку следователей. Она объявила Ламбера своим «любовником» и пустила в ход брата С. Носович, который находился в Тунисе и был недосыгаем для немцев. На него-то и

наводились все подозрения. На самые опасные вопросы она отвечала, пожимая плечами:

— Не знаю! Откуда я могу знать?

В конце концов гестаповцы прозвали ее «Княгиня «Я ничего не знаю...» Она не выдала никого.

Оккупационным властям для того, чтобы казнить ее, было достаточно одного заявления Вики, сделанного на допросе в тюрьме Френ:

— Цель, которой вы добиваетесь в России,— это разгром моей страны и уничтожение славянской расы. Я русская, я выросла во Франции.. Я не изменю ни своей Родине, ни той стране, которая меня вырастила!

Вера Оболенская стала «Т. К.». По гестаповской номенклатуре это означало «приговоренная к смерти». Но казнили ее не сразу.

Ее вместе с «Софкой» (тоже «Т. К.») вывезли в Берлин, в известную тюрьму Альт-Моабит, переполненную антифашистами всех стран Европы, в том числе немцами.

— Гитлеровцы свое еще получают, — говорила Вики, глядя из тюремного грузовика на полуразрушенный Берлин.

Она не сдавалась и не ослабевала ни на минуту. Она не теряла бодрости даже в минуты ожесточенных бомбежек, когда тюрьма сотрясалась от взрывов, когда тюремщики отсиживались в бункерах, а заключенные женщины, сидя в кандалах на полу камер, думали о том, что лучше — быть расстрелянной или сгореть заживо.

Ни страх, ни голод не одолели ее. Тщательно разжевывая три подгнивших картофелины, составлявшие «обед» смертниц, она сигнализировала стуком в соседние камеры:

— Мне хочется поджаренного хлеба с маслом и вареньем. На Востоке освобожден Минск...

Самыми удивительными способами она умудрялась узнавать все новости с фронтов, из СССР и из Франции.

«Как-то раз, усталая от бессонной ночи, размериваю я камеру шагами,— вспоминает Носович,— и вдруг — стук. Вики передает: «Я поставила перед собой цель — по окончании войны ехать в Россию и работать там для Родины...» (После войны многие русские, сражавшиеся в Сопротивлении, вернулись в Советский Союз. Мы уверены, что среди них была бы и Вики.)

После покушения на Гитлера, в 1944 году, все «Т. К.» были переведены в другую тюрьму, на Барнимштрассе. Это была тюрьма-«модерн». Ее обслуживали отборные «дамы из СС», с холодными, пустыми глазами.

Смертниц уводили в подвал ежедневно — обычно днем после обеда. Там им объявляли, что «приговор сегодня будет при-

веден в исполнение», и оставляли в подвале до ночи. Часто в эти часы ожидания вся тюрьма слышала доносящиеся из подвала крики смертельной тоски. Казнили на рассвете...

Так погибла одна из заключенных — молоденькая, светловолосая женщина из Воронежа, по профессии врач. Ее сделали «Т. К.» за связь с немецкими коммунистами. Она договаривалась с Вики встретиться после войны в Советском Союзе. Но для обеих время «после войны» не наступило...

В августе 1944 года, во время прогулки по тюремному двору, Вики исчезла. На следующий день ее снова не было на прогулке. Ее соседка по камере—голландка—вышла одна. «Софка» бросилась к надзирательнице, умоляя ее сказать, что с Вики.

— Рүэ (Спокойно)! — рывкнула «дама из СС», и дверь камеры захлопнулась.

Прошел еще один день, и к «Софке» явилась библиотекаряша, раздающая заключенным книги. Гостья быстро и тихо спросила:

- Хотите узнать что-нибудь?
- Да! Где Вера Оболенская?
- Послана в лагерь переводчицей.
- Куда?
- Не знаю.

По тюремному «телеграфу» сообщили то же самое — «послали в лагерь». Это сообщение исходило от самой Вики.

Друзья Веры Оболенской тщетно разыскивали ее по лагерям и тюрьмам. Ни малейшего следа не было обнаружено.

Разыскивал ее и муж — высокий, сухопарый, слегка прихрамывающий человек, Николай Оболенский. Еще до своего ареста он бродил с биноклем под окнами тюрьмы в Аррасе, стараясь увидеть Вики в окне. Он не увидел жену, но она видела мужа и сумела переслать ему записку, где очень спокойно излагалось содержание допросов. Это позволило спасти остатки подпольной ячейки Сопротивления.

Уходя из заключения на Барнимштрассе, она знала, что идет на смерть. Она не хотела, чтобы подруги по тюрьме знали об этом. Легенда о том, что ее послали «переводчицей» в лагерь, была ею же передана библиотекаряше с просьбой довести об этом до сведения «Софки»...

Немцы предлагали Вики подать прошение о помиловании. Она отказалась. Для Вики жить «по милости» фашистов было позором.

След Вики отыскался только после войны. Она была обезглавлена 4 августа 1944 года в тюрьме Плецензее.

Так умерла за дело освобождения людей от коричневого рабства русская женщина. В 1944 году ей было 33 года.

Остался ее портрет. Остались альбомы с фотоснимками. Остался памятник в Нормандии. Остались медаль и «боевой крест», сухие строчки приказа от 19 декабря 1946 года:

«Присвоить посмертно звание кавалера ордена Почетного Легиона княгине Оболенской, урожденной Макаровой, Вере, младшему лейтенанту Внутренних Сил Франции...»

Осталась чудом уцелевшая, но навсегда оглохшая «Софка». Остался муж, весь остаток жизни которого безраздельно посвящен воспоминаниям о жене.

Генерал де Голль писал Н. А. Оболенскому:

«В теперешнее время, столь же сложное, но менее мрачное, чем вчера, пример этой замечательной женщины необходим более, чем когда-либо...»

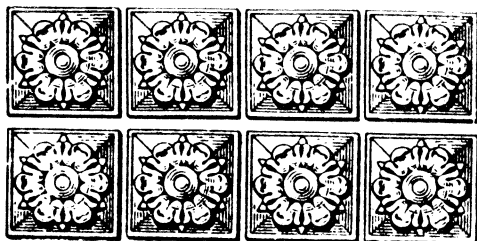
Подруга Вики по партизанскому подполью Элизабет Брюна писала: «Все в ней было призвано на службу идее...»

Это не случайное качество одной Вики. Это традиция множества русских женщин, которые шли сражаться за Родину и человечество без малейшей мысли о собственной безопасности. Никогда, нигде и ничто не могло заставить их склонить голову — ни кандалы, ни виселицы, ни голод, ни побои, ни издевательства царских или гитлеровских палачей.

Вспомним строки Н. А. Некрасова:

...Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

Снимем шапки перед символической могилой Веры Оболенской. Во всем ее мужественном облике есть что-то нам знакомое, близкое и родное.

ГОССТРАХ ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

● Договоры страхования от несчастных случаев заключаются с гражданами в возрасте от 16 до 70 лет на срок от 1 года до 5 лет.

● Страховая сумма выплачивается при постоянной утрате общей трудоспособности или смерти застрахованного от несчастного случая.

● Страховой взнос с каждых 100 рублей страховой суммы устанавливается в зависимости от профессии страхователя и рода производства, где он работает, в размере от 25 копеек до 1 рубля 20 копеек в год. Страховой взнос уплачивается сразу за весь срок страхования вперед.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договора обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

Инспекция Госстраха имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать к месту вашего жительства или работы.

ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕ ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

Главное управление государственного
страхования РСФСР